

И. В. ГЕССЕН

<«...Расширение его полномочий считалось предрешенным и никаких сомнений не вызывающим...»>

<...> Роль и значение Керенского в революции были для меня столь же неожиданны, как и сама революция и, на мой взгляд, дают ценнейший материал для ее психологии. Петербургский адвокат, он выделялся среди коллег больше своей экспансивностью, а избранный в 3 и 4 Думу занял в ней весьма видное положение <...>. Керенский поначалу был избран товарищем председателя Совета, и включение в состав правительства манило установлением связи, ослаблением противодействия Совета, а сочетание трех ипостасей создавало Керенскому исключительное положение и в масонстве, и в Совете, и во Вр[еменном] правительстве. Мне очень редко приходилось встречаться с Керенским, но все же я успел воспринять и привлекательную покоряющую задушевность, и холодное пустозвонство, и раздирчивую мелодраму, и наполеоновскую позу, и я не решился бы сказать, в каком положении он был самим собой, или, быть может, такое состояние на людях ему и вообще незнакомо было. Да и можно ли самим собой оставаться, неожиданно почувствовав себя кумиром, утопая в цветах, приветствиях, восторженных кликах. И все же не это слепое обожание толпы сделало его осью революции, стержнем ее карусели. Чем дальше, тем все чаще и все бессодержательнее менялся первоначальный состав Временного правительства, постепенно терявшего авторитет, и тем настойчивее все уклонялись от принятия беспризорно лежавшей власти <...>.

Зато при всех перемещениях и комбинациях не только сохранение Керенского, но и постепенное расширение его полномочий считалось предрешенным и никаких сомнений не вызывающим: в первом составе министр юстиции, он через два месяца становится

военным и морским министром, потом меняет портфели на пост министра-президента, а еще через две недели принимает опять портфель военного и морского министра. Прошел еще месяц, и он уже верховноглавнокомандующий, днем позже к этому присоединяются обязанности члена Директории. Он тоже неоднократно заявлял желание сложить бремя власти, но вынужден был уступать общим настояниям на его незаменимости. На Керенском революция клином сошлась, она его создала, она же и берегла его подорванное здоровье, иначе нельзя объяснить сверхъестественной затраты сил и энергии. «Я жалею, — воскликнул Керенский уже в конце апреля, — что не умер два месяца назад: я бы умер с великой мечтой». Если бы так случилось, в апогее совершенно исключительной популярности, которую он завоевал, вокруг имени его сплелись бы трогательные легенды. <...>

